

Философский ракурс

УДК 303.62 + 87.25

DOI 10.62139/2949-608x-2026-4-2-7-23

О границах дозволенного: философия – наука – идеология (интервью)

Пружинин Борис Исаевич

Цитирование: Пружинин Б.И. О границах дозволенного: философия – наука – идеология (интервью) / беседовала Н.И. Кузнецова // Журнал Российского национально-го комитета по истории и философии науки и техники. 2026. Т. 4, вып. 2. С.7–23.

On the Limits of the Permissible: Philosophy – Science – Ideology (an interview)

Boris I. Pruzhinin

Борис Исаевич Пружинин – доктор философских наук, профессор школы философии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии», почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Лауреат премии имени Г.В. Плеханова РАН (2024). Один из самых авторитетных специалистов нашего времени в области эпистемологии и философии науки, а также в области истории русской философии XX в., автор 348 научных работ, из которых 17 монографий.

Н.И. Кузнецова: Прежде всего, разрешите поздравить вас с награждением премией РАН им. Г.В. Плеханова за серию работ по философии науки. Журнал «Вопросы философии», главным редактором которого вы являетесь с 2009 г., считается ведущим философским журналом страны. Кроме того, Ассоциация книгоиздателей России оценила как «Лучшую книгу года – 2024» один из томов выходящей под вашей редакцией серии «Философия России первой половины XX века» и отметила заслуги уже вышедших к тому моменту 35 томов этой серии. Формулировка такая: «За масштабную исследовательскую и издательскую работу по обобщению философских и социальных идей российской науки».

Б.И. Пружинин: В рамках серии «Философия России первой половины XX века» на сегодня издано уже 37 томов. Последний том, недавно увидевший свет, об Алексее Алексеевиче Ухтомском. Но здесь, думаю, нужны некоторые пояснения. Сначала под руководством В.С. Степина и В.А. Лекторского в качестве приложения к журналу «Вопросы философии» было предпринято издание серии «Философия России второй половины XX века», а в 2012 г. мы обратились к первой половине прошлого столетия.

Сам по себе этот уникальный проект начался еще во времена перестройки, в самом конце 1980-х гг. Тогда при редакции журнала «Вопросы философии» был создан специальный отдел, который занимался подготовкой к публикации практически не издававшихся у нас работ отечественных философов. Тогда жизненно необходимо было сделать доступными широкой общественности их произведения и осмыслить их вклад в русскую философию. Так появилась на свет серия «Из истории отечественной философской мысли». Книги были доступны только для подписчиков журнала. Тираж «Вопросов философии» достигал тогда рекордных размеров – до 90 000! Если книга задерживалась, редакцию «атаковывали» нетерпеливые читатели. А ведь были трудные времена во всех отношениях! Но редакцию буквально бомбардировали письмами, приходили лично с требованиями обещанных книг. Тогда же начали разрабатываться необходимые комментарии, осуществлялась сверка текстов, появлялись и первые монографии, сборники, статьи исследовательского характера. Нарбатывался необходимый опыт издания и осмысления отечественного философского наследия. Заново обретаемая традиция русской мысли оказалась просто поразительно богатой и нужной. И серия «Философия России первой половины XX века» была ориентирована уже не на публикацию самих работ русских философов, а на осмысление их актуальности в контексте проблем нашего времени.

Тома этой серии построены по-разному: некоторые – тематические, другие – персональные. Практически каждый год в издательстве РОССПЭН выходят новые тома. Например, из последних: «Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский» (2022); «Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исая Берлин» (2021); «Методология истории: Н.И. Кареев, В.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов» (2019); «Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» (2013); «Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин» (2013) и др. Персональные тома – это, например, «Лев Платонович Карсавин» (2012); «Павел Александрович Флоренский» (2013), «Евгений Николаевич Трубецкой» (2014), «Сергей Николаевич Булгаков» (2020) и др. Подчеркну: каждый том – это не просто историко-философская работа, это, по сути, сборники, в которых современные исследователи заново, по-своему прочитывают и интерпретируют труды нашей весьма разнообразной отечественной философской мысли. К ны-

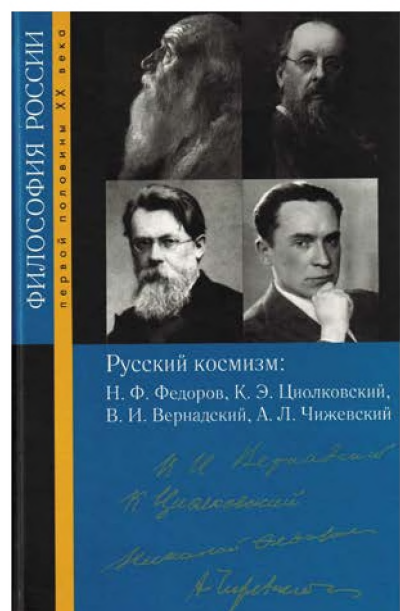
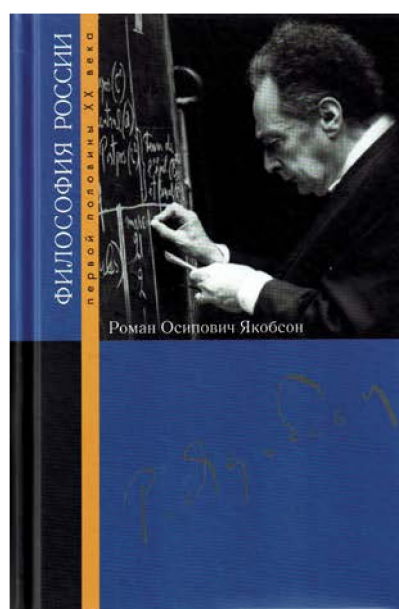
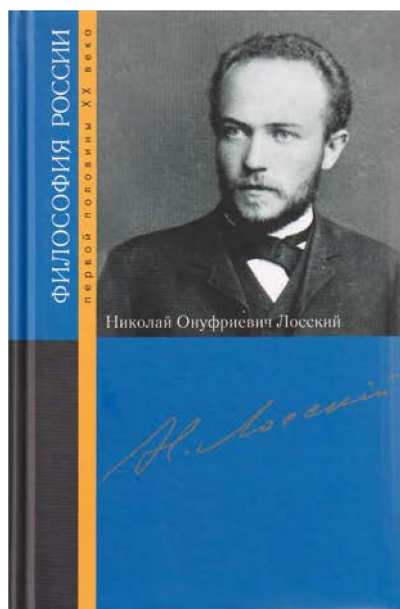

Рис. 1–4. Книги серии «Философия России первой половины XX века», издательство РОССПЭН

нешнему дню вышел том (37-й) о философских идеях Ухтомского. Серия восстанавливает философскую традицию русской мысли с ее особенностями.

Н.И. Кузнецова: Еще совсем недавно в публичном пространстве не могли даже появляться такие историко-философские работы, поскольку

для их изучения необходимо было оформлять разрешение на посещение «спецхрана». Это классический пример пагубного действия идеологии, которая обязательно устраивает подобные, непроходимые для «неподготовленных» барьеры.

Относительно российской философской классики первой половины XX в. еще понятно, что они враги марксизма-ленинизма, т.е. победившей идеологии. Однако цензура распространилась на многих наших молодых философов послевоенного поколения. Что примечательно, почти невозможно было предсказать, чем именно они в те времена не угодят действующей власти. Обвинения постоянно переоформлялись, порой ослабевали или ужесточались. В результате многие талантливейшие работы, оригинальные концепции были отправлены просто «в стол». Этот своеобразный домашний «философский пароход» пришлось возвращать усилиями учеников, друзей, семьи. Задаче такого возвращения и посвящена серия «Философия России второй половины XX века».

В свое время мы с Юлием Анатольевичем Шрейдером опубликовали развернутую рецензию в связи с публикацией 10-го тома этой серии¹. Хорошо помню, как, проглядывая работы моих старших современников, которые на два-три десятилетия были принудительно отправлены, образно говоря, в «ссылку без права переписки», я радовалась, что можно теперь доказательно опровергнуть очень суровый приговор Н.О. Лосского относительно советской философии в целом. Он писал (его книга тогда еще находилась в спецхране, но уже была в моей домашней библиотеке): «В СССР диалектический материализм – партийная философия, имеющая дело не с отысканием истины, а с практическими нуждами революции. Пока СССР управляется властью, которая подавляет всякое свободное исследование, диалектический материализм не может рассматриваться как философия»². О. Василий Зеньковский повторял и усиливал эту оценку, специально подчеркивая, что в советской философии нет персональности: «Мы не упоминаем никаких имен, – да ведь там и нет личного творчества – есть лишь одно, свыше одобренное и регулируемое направление (“диалектический материализм”). Ничтожная жалкая, трагическая по существу картина обезличенной мысли тем более страшна, что это удушение свободного творчества длится не один десяток лет»³. Очевидно, что такие оценки после серии «Философия России второй половины XX века» уже невозможны.

Однако сегодня появились новые формы цензуры и запретов – так называемая «культура отмены». Например, у нас теперь труды Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина более вообще не преподаются и не изучаются, не так ли? «Капитал» я лично очень высоко ценю. Но Маркс, казалось

¹ Кузнецова Н.И., Шрейдер Ю.А. Российская философия второй половины XX века в лицах // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 167–183.

² Лосский Н.О. История русской философии. М., 1954. С. 382. (Lossky N.O. History of Russian philosophy. N.Y., 1951.).

³ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л., 1991. Т. 2, ч. 2. С. 53.

бы, там и не претендует на философию. Тем не менее это определенная база для социально-политической концепции, очень значимой и влиятельной философии. Но «Википедия» бодро пишет: «Основное философское произведение Маркса – “Манифест коммунистической партии”». Я у студентов философского факультета РГГУ спрашивала: «Что изучаете у Маркса?» Ответ, который меня обескуражил: «Манифест коммунистической партии». Почему же так? Ответ гласит: «Потому что это единственное, что из Маркса можно осилить на семинаре за полтора часа. Все остальное потребует отдельного курса». Почему же для Канта можно устраивать семестровый курс? Для Гегеля столько времени не тратят, как на Канта, а на Маркса можно отвести один-единственный семинар? Это странно. Но показательно.

Маятник цензуры в очередной раз качнулся, точнее, направился в прямо противоположную сторону. А что дальше? Маятник опять качнется: надо только уловить куда именно? Мы все чувствуем, что существуют «качели идеологии», постоянно действуют какие-то социальные «квазигравитационные» силы. Как разобраться, что есть что? Лишена ли наука какой бы то ни было идеологии? Грешна ли философия идеологическими запретами или сама страдает от них? Как разобраться? И кто у нас сегодня осуществляет работу цензуры? Редактор издательства?

Б.И. Пружинин: Ну, по большому счету эту «работу» выполняют все члены интеллектуального сообщества, включая автора. Вопрос в том, каковы цели, кем себя ощущает автор, редактор, рецензент – ученым, философом или идеологом? К тому же, замечу, и в «идеологизированные» времена были редакторы, которые, выполняя свои формальные обязанности, тем не менее помогали сохранить суть публикаций и избегать идеологических обвинений. Вспоминаю такой эпизод: 1986 год, я написал монографию «Рациональность и историческое единство научного знания»⁴. Книга, посвященная весьма и весьма специальной проблематике философии науки, уже находилась в издательстве «Наука». Мне звонит редактор (Виолетта Желтова), говорит: «Боря, зачем ты сделал именно указатель?». Я отвечаю: «Как зачем?». Она: «Ты открой указатель и найди “Ленин” в книге по теории познания!». Я говорю: «Никакой я не идеалист и не позитивист! Но в книжке про конкретный кризис рациональности пересказ общеизвестных гносеологических идей Ленина будут выглядеть неуместным. Однако, – продолжаю я, – записывай...» и привожу цитату о науке, которая «рожает» диалектический материализм и прошу поместить эту цитату в начало любого раздела, а остальное оставить как есть. Это, конечно, была своеобразная игра: нужные цитаты из классиков марксизма всегда находились практически у всех «продвинутых» авторов-гуманитариев. Тем более что философско-методологической содержательности в марксизме не меньше, чем в кантианстве или постпозитивизме.

⁴ Пружинин Б.И. Рациональность и историческое единство научного знания: гносеологический аспект. М.: Наука, 1986. 152 с.

Однако в связи с затронутой темой идеологии я хочу внести в нашу беседу одно содержательное уточнение. Ругать идеологию интеллектуальная элита любит – особенно на «кухне». Но мы же ведем здесь философскую беседу, т.е. не теряем из виду «суть феномена». И поскольку мы этот феномен видим немножко по-разному и потому будем возвращаться к некоторым его аспектам ниже в различных контекстах нашего разговора, я хочу сразу, пусть очень кратко, определить свое понимание идеологии в ее соотношении с наукой и философией.

Прежде всего, замечу, и философия, и наука, и идеология – рациональные способы представления реальности и именно в этом качестве выполняют свои социально-гуманитарные и эпистемологические функции. А вот функциональные цели у них разные. Цель науки – обосновать истинность предлагаемого в ней мнения о мире, что демонстрирует годность научного знания о мире в качестве важнейшего момента жизнедеятельности современного человека. Цель философии – выявить принципиальную проблемность в том или ином варианте видения реальности и, соответственно, критически оценить возможные варианты деятельности, предлагаемые для решения соответствующих проблем. Цель идеологии – убедить человека в необходимости принять тот или иной предлагаемый обществом вариант решения жизненных проблем, т.е. убедить его как бы для его же пользы сообразовать свою деятельность (жизнедеятельность) с предлагаемым ему обществом вариантом. Цель идеологии – именно убедить, используя рациональные доводы, как раз и отличает идеологию от науки и философии, сближая ее в ее истоках с софистикой и схоластикой.

Современное общество нуждается в идеологии на всех уровнях, поскольку постоянно сталкивается с проблемами, требующими консолидированного участия всех и каждого в их решении. И будь то проблемы экономические, политические, демографические, этнические и т.д., общество вынуждено сопровождать реальные меры, направленные на реализацию принятого варианта решения общественно значимых проблем, рациональной аргументацией, убеждающей каждого в неизбежности предложенного варианта деятельности. При этом идеология мобилизует, апеллируя к будущему. Она опирается и на философию и на науку, но именно отбирает для себя из них то, что может быть использовано для убеждающей аргументации. В этом обращении к науке и философии основания ее рациональности, но в этом и опасность как для разворачивания ее собственного содержания, так и для сути науки и философии. Таких примеров множество – от генетики до кибернетики и той же русской философии первой половины XX в. Вот почему негативный опыт сложных отношений философии, науки и идеологии следует учитывать и осмысливать, чтобы исключить перерастание идеологии в цензуру, а также отрыв в ее контексте и философии от жизни и попытки безоглядной самоизоляции науки от общества.

И в заключение моих рассуждений об идеологии. Не так давно увидел свет тридцатый шестой том этой серии, имеющий некоторое отношение к тематике «идеология – философия – наука». В этом томе исследуются

философские основания социально-политических концепций Льва Троцкого, Любови Исааковны Аксельрод, Н.И. Бухарина и А.М. Деборина. Все они убежденные марксисты, но взгляды их различаются иногда до крайности, в том числе и в их идеологической устремленности. И очень они не похожи на марксистов типа Г.В. Плеханова и В.И. Ульянова. Актуальность и историческая преемственность — два необходимых полюса историко-философских исследований. И даже в томах серии, посвященных социально-идеологически ориентированным мыслителям, речь идет об их философских размышлениях.

Н.И. Кузнецова: В годы обучения на философском факультете (1960–70-е гг.), мы, по крайней мере, наше студенческое поколение, радостно цитировали тезис Маркса — Энгельса, согласно которому наука «относительно автономна». Экономика, политология, история как бы «пропитаны» идеологией, но естествознание «относительно автономно». Поэтому в нем все не так, там царит объективность. Понятно, что люди, которые хотели избежать идеологизации, но интересовались философией, желали заниматься исследованиями в области «философии естествознания», позднее эта область стала называться «философией науки». Тем не менее время идет, меняются представления, у нас совсем другой опыт. Раньше было совершенно понятно, что от идеологии надо избавляться. И в философии, и в науке. Но возможно ли это? Да и как провести границу, как «размежеваться»?

Самую большую загадку в этом плане задали сами классики. В «Немецкой идеологии» (напомню, что эта рукопись 1845–1846 гг., которую авторы добровольно подвергли «грызущей критике мышей», стала доступна читателю только благодаря марксистской идеологии нашей страны) убедительно показано, что почти вся актуальная немецкая философия XIX в. пропитана идеологией. И мы, студенты, с удовольствием такой труд читали и изучали. На самом деле, как мне кажется, это произведение бросало тень на всю философию в принципе. Да и как иначе можно относиться к ехидным замечаниям классиков марксизма такого характера: «Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь»? Я бы очень серьезно отнеслась к такой характеристике. Наши классики вовсе не были плоскими и пресными.

Я пыталась проследить появление феномена идеологии в публичной сфере. Правда, это весьма сложная тема, особенно если ее рассматривать в историческом развитии. Термин «идеология», исторически связанный с книгой «Элементы идеологии» (фр. *Éléments d'idéologie*) Антуана Дестют де Траси, появился в самом конце XVIII в. и был выражением философской рефлексии по поводу способов организации дискурса, в рамках которого возможно построение суждений и оценки относительно событий в сфере политики и этики. Термин достаточно точно схватывал суть дела и указывал на недостающее звено в цепочке рационального рассуждения. Научная рациональность сама по себе нейтральна. Она не ведет к оценке действительности или признанию чего бы то ни было цен-

ностью или, напротив, к отрицанию какой-то ценностной ориентации. Рациональность – это такой дискурс: «что есть, то есть». Поэтому она бесполезна для дискурса, обращенного к тем, кто решается на политические и практические действия. Зато идеология, будучи систематически выстроенным комплексом идей, провозглашает необходимость того или иного мероприятия, рождает лозунги и манифесты и способна повести за собой широкие массы. А Маркс, как известно, писал: «Идея (в оригинале его эссе “К критике гегелевской теории права” (1844) “теория”. – Н.К.) становится материальной силой, как только она овладевает массами».

Идеология – весьма примечательное явление общественной жизни Европы, которое говорит о новой практике организации и координации коллективных действий. Практика общественных объединений изменилась в своих основаниях. Начали не принуждать, не приказывать, не апеллировать к высшим силам, а убеждать, апеллируя к комплексу эмоционально окрашенных идей, близких сердцу, чувству, мироощущению той или иной социальной группы. И «самодостаточные» идеи, аксиомы, с которых начинается математика и прочие науки, в идеологии уступают место «самодостовверным» чувствам. Идеология апеллирует к исходным интуициям того, что хорошо и правильно, к чему следует стремиться. По-моему, это очень четкое различие. Правда, Маркс и Энгельс несколько усложнили использование этого термина, поскольку Маркс заговорил об идеологии как «превращенной форме сознания», о «ложной видимости» такого сознания, а Энгельс прямо называл идеологию «ложным сознанием».

Тем не менее, когда затевается какое-то сложное групповое действие, когда задействованы широкие массы, без идеологии просто не обойтись. Это необходимо для любого сложного социального действия, начиная, простите, с охоты на мамонта. Именно тогда необходимо, чтобы некая идея буквально «овладела» массами, теми, кто будет реализовывать сложный общественный проект. Здесь без идеологии просто не обойтись, не правда ли?

Кратко говоря, если вы хотите что-то делать и делать не в одиночку, а даже если в одиночку, вам нужна какая-то идеология этого действия. Скажем, есть идеология организации кухни или вообще бытовой жизни (уютные воспоминания или чистый функционализм?). Если строить какую-то маркетинговую деятельность, также нужна идеология: продажа товаров для пожилых или молодых? Толстых или худых? Для городских бродяг (Cityoffroaders)? Для каких именно покупателей? Сейчас, правда, это называют «философией бренда». «Философия» для маркетологов звучит более привлекательно, интеллигентно. И эта возможность принимать идеологическую конструкцию за философскую слегка пугает. Вообще возникает проблема: а может ли философ, обсуждая специальные философские проблемы, отделять себя от общего потока идей, которые ведут к практическому действию?

Как мы, философы, хорошо помним, человек старшего поколения, погруженный в науку (будь то естественник или гуманитарий), отгоняет фи-

лософов подальше, опасаясь, что через философию в науку проникнет нечто идеологическое. Ведь столько лет они должны были доказывать, что исключительно правильно понимают диалектический и исторический материализм! По причине необходимости всеобщей «диалектизации» отечественной науки начались острые дискуссии, в результате которых «проигравшие» должны были просто покинуть науку... Да ведь еще не разберешь, в чем провинился: как «механисты», так и их противники, «диалектики», были репрессированы. Эта горькая память еще долго будет тяготеть над любыми попытками философских интерпретаций научных исследований. И сейчас, даже молодые, от нас шарахаются: если философ пришел, значит, будет учить и поучать. Хотя мы давно уже в такой парадигме не работаем, инстинкт такой остался.

Б.И. Пружинин: Вопросов слишком много, они серьезные, на все сразу не ответишь. И все-таки я начну сначала. В чем отличие идеологии от философии, от науки, и вообще в чем специфика идеологии? Давайте более четко разведем эти два понятия. Философия-то существует 2500 лет. А идеология вдруг всплыла гораздо позже, совсем недавно. В просвещенном обществе.

Н.И. Кузнецова: Слово всплыло.

Б.И. Пружинин: Да. Но мы говорим о слове или о феномене?

Н.И. Кузнецова: Об идеологической риторике, например: «Карфаген должен быть разрушен!»

Б.И. Пружинин: А риторика была всегда. Убедить, приводя рациональные доводы, затрагивающие жизненные интересы, чтобы «поднять» народ на какое-то дело – вот что важно. И неважны альтернативы, противоречия, проблематизирующие это дело. Идеология ориентирует, и в этом качестве она необходима для консолидации. Почти мгновенно после того, как де Траси сформулировал свои идеи, необходимые для свершения Французской революции (а он был большой политический деятель!), стали вырисовываться контуры пугающих результатов идеологического воздействия. Существуют определенные социальные структуры, и эти структуры проводят идеологическую обработку, чтобы убедить массы в том, что «так и надо». Как они убеждают и чем именно?

Главное содержательное отличие идеологии состоит в том, что она апеллирует к будущему. Я это продемонстрирую на примитивном примере. Чинишь, скажем, табуретку. Ты на ней сидеть будешь. Ты ее чинишь сегодня и действуешь для того, чтобы завтра на нее сесть. Это действие устремлено в будущее. И идеология оправдывает такого рода деятельность в самых различных сферах. В том числе, кстати, идеологически оправдывается и развитие науки. И во все времена была потребность в таком убеждении. И античная наука, когда она возникала, возникала из практических нужд, ориентируясь на необходимость заменить миф новым дискурсом – языком, словом, Логосом. Потом – в Средние века – доминировала религиозная идеология. Конечно, существует и научная идеология тоже. Как уже упомянули, апелляция к науке, в том числе гуманитар-

ной, – важное условие для мобилизации масс для достижений в будущем. Да как же вы можете чего-то не делать, когда гуманитарная наука, говорит: «Вперед, к справедливому обществу!» А проблемы гуманитарной науки – дело философии, но оно вторичное...

Устремленность на будущее, мобилизующая всех, под вполне конкретную сегодня потребность и ситуацию и подбирает (точнее, выбирает) соответствующие идеи из науки и философии. Идеология подбирает идеи для мобилизации. Она мобилизует. В том ее задача. Она решает задачу – конкретную, сегодняшнюю задачу. Нужна консолидация общества, чтобы решить эту нынешнюю задачу, но сама задача выносится на будущее. Что такое «сегодня» на фоне привлекательных, и в общем справедливых целей? А вопрос, нужно ли нам чинить табуретку или сделать новую, вопрос который требует углубления в нынешнюю ситуацию, задвигается на задний план. Да, можно недоедать, мерзнуть, жить по минимуму, но все вместе мы движемся туда, где будет решена поставленная задача, которая сделает всем-всем хорошо.

В чем тогда роль философии? Здесь я сошлюсь на конкретную ситуацию, связанную с созданием журнала, в котором работаю уже без малого сорок лет. «Вопросы философии» был учрежден в 1947 г., фактически заменив журнал «Под знаменем марксизма», в котором философская тематика была погружена в контекст идеологических задач. Философия оказалась нужной в трудное время для поиска перспектив послевоенного развития страны в новой реальности. Нужно было осмыслить, понять суть противоречий, преодоление которых открывало новые перспективы. Это давалось нелегко. Были разные периоды в истории журнала, были попытки вновь погрузить философию в идеологию. Но потребность именно в критической, философской проблематизации перспектив движения общества (движения в различных общественно значимых областях и сообщества) пробивала себе дорогу в работе журнала.

Н.И. Кузнецова: Тут много нюансов. Не знаю, насколько молодое поколение их осознает. Сравните: «Под знаменем марксизма» и «Вопросы философии», в чем отличие? Уход от пропаганды, во-первых. Второе: если просто дать именование «Философия», выходит очень претенциозно. С тех пор почти все гуманитарные журналы должны были называться «Вопросами», будь то «Вопросы истории естествознания и техники», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Вопросы образования» и так далее. Сколько должно было пройти десятилетий, прежде чем могли такие журналы появиться, как «Логос», «Кредо», «Финиковый компот» и тому подобное. Не знаю, насколько для молодых людей звучит этот оттенок – что это *вопросы*.

Б.И. Пружинин: «Вопросы» – это «вопрошание», возвращающее к сути философии в отечественной интеллектуальной традиции. «Вопросы философии» – это воспроизведение названия журнала, который возник до социалистической революции. По сути, это возврат к названию журнала «Вопросы философии и психологии», который начал выходить в 1898 г. И не формально, а по сути, если, конечно, мыслить культурно-исторически.

Н.И. Кузнецова: «Логос», кстати, тоже был дореволюционный. И журнал «Путь» был, который потом попытались издавать.

Б.И. Пружинин: Да, но это позднее в 90-е гг., и это, как бы сказать, была реакция на запреты, царившие в недавнем прошлом. А вот 1947 год – это другое. «Вопросы философии» – это была глубинная потребность страны осмыслить себя вопреки готовым схемам. Напомню, что до этого главным философским произведением был «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938), в котором содержалась статья Сталина «О диалектическом и историческом материализме» – две странички про задачи философии, суть которых – «быть мечом», разящим врагов пролетарской власти. И все. И остававшиеся еще к тому времени философские кафедры закрылись. В МГУ перестали готовить философов, что-то оставалось еще в Высшей партийной школе (тогда она по-другому называлась). А потом началась война... И стало ясно: осмысление глубинных проблем человеческого бытия – один из необходимых факторов имманентной консолидации общества в экстремальных условиях. Без нее невозможна Победа.

Тогда нашему обществу вернули церковь, тогда в армию вернули погоны, тогда вернули и философию. В сорок втором году, когда исход войны был еще не ясен, в Ашхабаде, куда эвакуировали МГУ, восстановили философский факультет.

Что я хочу сказать? Идеология тогда была нужна. Но, оказалось, нужна была и философия. Возвращаясь к вопросу об их различиях, о которых я уже говорил: философия не концептуальные формулы решения текущих задач предлагает обществу, а осмысливает проблемы человеческого бытия в данной конкретной реальности. Я как философ должен «здесь и сейчас» всем существом своим ощутить, где что-то не так в самых основаниях общества, где теряется взаимопонимание людей и размываются основания человеческого общежития. Ведь «устройство» общежития – это результат человеческих деяний, это продукт человеческих желаний, стремлений и усилий. Мы, люди, с точки зрения генетики существа «недоделанные». Мы не заданы генетически полностью, мы существа свободные. Это дар бытия, но это и большое бремя. Что я есть, зачем я живу? В чем смысл жизни-то моей? Куда мне идти? Чем я должен заниматься? Мы можем быть и действительно становимся разными. Но быть человеком можно только вместе – в обществе, в общении. И философия заставляет нас осознать свою ответственность и перед собой и перед обществом, заставляет нас осознать, что мы живем в какой-то определенной общественной среде, мы, люди данной эпохи, и сами эту культурную структуру совместного бытия создали, создали условия и требования общежития. И если мы хотим его сделать приемлемым, мы должны осознать его проблемы. Вот когда общество начинает меняться или оказывается в экстремальной ситуации и люди перестают понимать друг друга, возникает потребность в философии – в осмыслении проблем, возникающих в самых основаниях взаимопонимания весьма разных в своей сути людей.

Философия вообще возникает только в динамичных обществах, там, где все меняется, где наступает кризис общежития. Так, к примеру, воз-

никла философия Индии, когда туда нагрянули арии и все там «переиначили». А потом все встало по своим местам: родился в низком сословии или в военном сословии, тебя вполне рационально убедят, кто ты есть и как себя вести. Тогда индийская философия приумолкла на две тысячи лет. А как возникала греческая философия? Когда античная Греция стала динамично развиваться и нормы поведения, основанные на мифе, стали устаревать, возникла проблема общежития и греки обратились к Слову, к Логосу как основанию общежития.

Понятно, что в ходе живой беседы я не могу погружаться в эту тему. Сошлюсь на идеи Михаила Константиновича Петрова. Лучшие его работы создавались в тот печальный период, когда нашим философам приходилось писать «в стол», и его большая статья «Пираты Эгейского моря и личность» (написано в 1966) была опубликована только в 1995 г. его дочерью. Согласно этой красивой концепции, новое мировоззрение – рациональность, философия, породившая науку – все это возникло на пиратских кораблях Древней Греции. Если излагать просто, «на пальцах», то картина такая. Греческие корабли бороздили Эгейское море, перемещаясь от острова к острову. Моряки устраивали свои поселения, колонии в самых разных местах. И что же они могли видеть? В Греции дуб – дерево святое, но вот приплыли греки к скифам, а те из дубов делают луки. Что же такое получается? И тогда полетела в пропасть родная, привычная культура... Тут-то и возникает философия, т.е. попытка осознать, какие проблемы в основаниях бытия нужно решить, чтобы восстановить общежитие греков. Именно проблемы, не задачи. Когда мы решаем задачу, все понятно. У нас есть конечный результат, который мы хотим получить. А здесь мы сталкиваемся с ситуацией кризиса, когда мы теряем себя, когда не знаем, что делать, когда потребности (пусть даже в ремонте табуретки) утрачивают смысл. И ситуация разрыва рождает личность. В каком-то смысле личность как феномен человеческой истории – продукт «пиратства», бродяжничества (естественно, в широком смысле слова).

Что очень важно, сама письменность, по Петрову, теряет привычную функцию: происходит, как он писал, «... выход письменности за рамки традиционного канцелярского применения, превращение ее из ремесла в индивидуально-универсальный навык, в “письменную речь”. Огромность события очевидна... Письменность как универсальный навык, как *грамотность* есть сама по себе слепая творческая способность, которая поднимает все поголовье грамотных, хотя бы они того или нет, к теоретическому творчеству...»⁵. Рождается то, что мы позднее называем индивидуально-личностью, «персональностью». Это огромный сдвиг, на котором базируется рождение философии. И вовсе не случайность, что мы, потомки, теперь знаем, что именно Фалес (первая половина VI в. до н.э.) утверждал, что «*все – из воды*», что вода есть *первоначало*. Знания лич-

⁵ Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. С. 185.

ностны, мы знаем античных философов по именам и знаем примерные годы их жизни. Этого нет, и не может быть в мифе.

Когда это все происходит, возникает и вопрос о том, что в самих основаниях нашего бытия мешает нам понимать друг друга, что надо менять, чтобы консолидировать общежитие, что надо преодолеть в себе, чтобы строить обновленное общежитие. Философия, в отличие от идеологии, критически осмысливая, аналитически вникает и тем самым показывает, что порождает проблемы человеческого бытия. Но сама она не прописывает будущее. Она не конструирует результат, она проблему ставит, стремясь выявить, что мешает восстановить взаимопонимание. А если мы ограничиваемся поиском решения текущих задач, то ведь они к нам через некоторое время вернутся снова, в еще более жесткой форме. Но этот круговорот как раз и заставляет философствовать, заставляет вникать в суть реальности, осмысливая происходящее как проблему, которую мы, так сказать, кожей своей чувствуем. И, между прочим, (прикоснусь в нашем разговоре и к этой теме) именно в способности «чувствовать» проблемы человеческого бытия, в «чувствительности» заключается особенность философского познания.

Философ именно «ощущает» нарастающее непонимание в общении людей и стремится выразить это как проблему – проблему бытия человека. Он, таким образом, пытается прояснить истоки того негативного, что происходит в основаниях нашего общественного бытия. Он не будущее конструирует, он болевую точку человеческой духовности пытается нащупать. Цель собственно философии, если угодно, диагноз.

С идеологией дело обстоит иначе. С религией, кстати, тоже. Она учит, как человеку себя надо вести. Есть тексты, представляющие образцы поведения, позволяющие понимать людям друг друга. И, кстати, религиозное сознание также не совпадает с религиозной идеологией. Но это совсем особая тема. Мы сейчас обсуждаем отличие философии и идеологии. Так вот, я, в принципе, изложил свою позицию в начале нашей беседы настолько обстоятельно, насколько жанр беседы позволяет.

Н.И. Кузнецова: И все же, нужно ли давать определение того, что такое философия? Можно ли говорить о ее *предмете*, подобно тому, как мы начинаем говорить о предмете физики, биологии, геологии и т.п.? Можно сказать, как профессор Владимир Натанович Порус на самой первой вводной лекции говорит: «Философия – это искусство ставить вопросы».

Иначе говоря, так называемый основной вопрос философии больше не существует? Напомню, что таким вопросом был для нас вопрос о том, что первично: материя или дух? Энгельс, правда, ясно писал, что этот вопрос является основным, по крайней мере, в новейшей философии, но никак не претендует на то, что он был таковым для философии в Античности и Средние века. Альбер Камю считал, что основной вопрос философии – вопрос о самоубийстве. Философию можно также тематически развернуть, стартуя от вопроса «Почему существует нечто, а не ничто?». Варианты есть. Надо ли сохранять постановку вопроса об основном вопросе философии? Или это устаревшая тематика?

Б.И. Пружинин: Что касается замечания Поруса о философии, то, как можно понять из моих рассуждений, я с ним в общем согласен. Теперь об основном вопросе философии. Когда говорят об основном вопросе, следует иметь в виду не концептуальные конструкции, связанные с вопросом, претендующим на статус основного, а саму культурно-историческую реальность проблемного поля философии. Даже внутри контекста, заданного наукой, проблемное поле философии и ее цели различаются в весьма широком диапазоне – от экзистенциализма до позитивизма... И основным вопросом становится соответствующий вопрос.

Н.И. Кузнецова: И все-таки: надо ли сохранить «основной вопрос философии»?

Б.И. Пружинин: Почему же нет? Но вопрос этот всегда конкретизируется под какую-то проблему социокультурными ракурсами осмысления.

Н.И. Кузнецова: А в философии такой вопрос стоит?

Б.И. Пружинин: Да, и там он присутствует. Это, если угодно, сквозной вопрос – вопрос о смысле жизни человека. Он, собственно, и является «инструментом» философии, с помощью которого философ выявляет проблемы взаимопонимания в различных областях жизни общества своего времени.

Н.И. Кузнецова: Мне представляется, что можно обойтись без «основного вопроса». О своеобразии философии, о ее роли наилучшим образом высказался Бертран Рассел. Удивляет, что нарисованную им картинку мало вспоминают в преподавании. Мне его рассуждение кажется очень выразительным: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она вызывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *точное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия»⁶.

Такая картинка демонстрирует, почему философия есть сфера *проблематизирующего* мышления. В теологии догмы – в науке знание. Знание не догма, но здесь уже мы уходим от проблемности, обретая определенность. Философия требует отказа от какой-либо ангажированности, как и наука. В силу своей способности проблематизировать философия нужна и теологии, и науке, и простому человеку, не покидая при этом сферы мышления. Потому на первый план выходит искусство задавать вопросы, о чем уже говорилось. Выражаясь языком Хайдеггера, «вопрошание есть благочестие мысли», не так ли?

К тому же именно картинка Рассела объясняет эффект «отпочкования», рождения из философии всех конкретных наук. Помним, как Виндель-

⁶ Рассел Б. История западной философии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. С. 7.

банд сокрушался к началу XX в., утверждая, что философия подобна королю Лиру, который роздал своим детям все свое имущество и затем должен был примириться с тем, что его, как нищего, выбросили на улицу? Философия становится «неимущей», поскольку она все раздает в области точного знания, в науки, и что же у нее самой остается? Единственное, что Виндельбанд оставил в собственной сфере философии, – этика. Можно с этим не соглашаться, но образ короля Лира многое проясняет. Феномен «отпочкования» признавал даже диалектический материализм. Пока точное знание еще невозможно, философия хоть что-то «подсвечивает».

Заметим, что никто не обвинял философию в том, что она служанка идеологии, кроме основоположников марксизма. И меня по-прежнему смущает «Немецкая идеология». Вспомним: кого Маркс и Энгельс критикуют? Бруно Бауэр, Макс Штирнер, Людвиг Фейербах – «старогегельянцы», «младогегельянцы» и так далее. 1845–1846 годы, совсем молоды наши классики. Они талантливы, веселы, язык у них острый, молодые публицисты резвятся в своем остроумии. Сегодня видно по этому тексту, как оттачиваются тезисы исторического материализма. (Это если анализировать становление идей марксизма, но не это сейчас предмет разговора.) Способ, каким они разоблачали на тот момент существующую немецкую философию, меня страшно озадачивает. Неужели так они понимают философию в целом? Какая загадочная фраза: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды»! Как ее понимать?

Б.И. Пружинин: Ну, мне-то кажется, что такое «изображение» как раз и образует такую среду, ибо «действительность» и есть проблема.

Н.И. Кузнецова: Иначе говоря, если правильно указать насущные проблемы человеческого бытия, то этого и достаточно? И нечего тут «философствовать»? Получается, как у Витгенштейна: философия – это формулировка псевдопроблем? Иногда я думаю: если бы сейчас нашелся такой философствующий сатирик со своим взглядом на современную постмодернистскую философию, могло бы получиться так же ярко и красиво, как у наших классиков? Неужели в постмодернизме нет ничего, кроме идеологической ангажированности? А вдруг так и есть?..

«Немецкая идеология», конечно, учит подозрительности. И Поль Рикер был в чем-то прав, когда назвал марксизм и фрейдизм «философиями подозрения». А что мы, философы, стараемся отследить, когда «подозреваем»? Идеологические интервенции, конечно. Меня в каком-то смысле и раздражал стиль того классического произведения: именно то, что всех они уличают и разоблачают. Но не могу не признать, что в их прочтении много правды. Можно, конечно, сказать, что у классиков марксизма была определенная задача, а не философская проблема. Вот в чем дело! Маркс и не претендовал на создание новой философской системы. Философом его сделала последующая идеология, само коммунистическое, пролетарское движение. Есть ли хоть какие-то рецепты, как оставаться философом, не превратиться в ангажированного идеолога? И где граница дозволенного взаимовлияния?

Б.И. Пружинин: Рецептов, конечно, нет. Философская мысль оживает благодаря просыпающемуся в человеке внутреннему чувству тревоги из-за рвущихся на его глазах межчеловеческих отношений, исчезающего взаимопонимания человеком человека. Если нет тревоги, то это все можно просто описывать и даже анализировать, но вне переживания в себе утери человеческого бытия в твоём наличном бытии, проблемы не различишь. Если ты это переживаешь, ты философ. Если ты это не переживаешь, только описываешь, ты и есть проблема для философа. Таков сам Рассел в приведенных тобой рассуждениях – картинки рисует.

Вернусь к науке. Понятие истины в научной работе фактически ныне не употребляется – оно стало не нужным. На что тогда опираемся? На понятие эффективности. Если данный фрагмент знания может быть эффективно использован для практических целей и мы знаем, как его построить, значит, мы знаем. По Платону, истина – это Благо. Только Благо сегодня из науки куда-то улетучилось. Ценность знания ушла, остается цена. И эта ситуация ставит проблему, философскую проблему науки. Она перестает быть культурным феноменом, акцентируется ее полезность. Конечно, некоторые вполне развитые цивилизации благополучно существовали без всякой науки. Они основывались на технологиях. Но европейская наука – дело иное. Основания науки – тема философская. И, как ни странно, осознать эти сюжеты помогли мои занятия по истории русской философии.

Когда в «Вопросах философии» начали издавать серию, о которой я говорил выше, я понял одну простую вещь: отечественная философия сегодня является чрезвычайно актуальной, в том числе и для науки. Углубляться в эту тему во всей ее полноте здесь опять же возможности нет. Но замечу: в духе традиций русской философии подлинная наука – это определенная сторона философии. Они неразрывно связаны как целостный культурный феномен. Исчезнет философия, и наука выродится, сначала в прагматическую рационализацию, а потом просто в практическую технологию. Понятие истины, может быть, и противоречиво, но на нем стоит вся наша цивилизация. Стоят и философия, и наука.

Н.И. Кузнецова: Допустим, мы можем смело утверждать, что все в культуре взаимосвязано. Тогда какой смысл проводить демаркацию? Если границ нет, то «все дозволено»: философия проникает в науку, идеология – в философию и науку. Как следует проводить межевание? Как, в частности, возражать против идеологизации философии и научного познания? Получается, только концепция Роберта Мертона отважилась на формулировку границ в виде норм «научного этоса». В свое время он был шокирован возникновением «советской агробиологии» и «арийской физики». Его «Нормативная структура научного исследования» опубликована в 1942 г., и с тех пор, при всей оглушительной критике его концепции лучшей демаркации, своего рода «красной черты» для идеологии, которая может проникнуть в науку, предложено не было.

К сожалению, проблема доверия к науке обострилась, как никогда. Это несколько неожиданно, поскольку прогресс научного познания очевиден и

Рис. 5. Наталья Ивановна Кузнецова и Борис Исаевич Пружинин.
Институт философии РАН

огромен. Наука практически вся стала, выражаясь философским языком, «трансдисциплинарной», т.е. непосредственно затрагивает жизненный мир каждого человека. Точнее сказать, не «затрагивает», а буквально «взрывает», «перекраивает». Это обостряет наши тревоги: мы живем в мире сомнительных нарративов о событиях прошлого и настоящего, мы вынуждены бояться не только атомной бомбардировки, но и достижений геной инженерии, экологическая тематика становится пугающе разнообразной и многосторонней. Думаю, что состоявшийся у нас разговор развернул масштабность проблем современной техногенной культуры. Достижения технаук – это не только замечательный успех людской изобретательности, но и рождение новых угроз для обычного человека и всего человечества в целом. Главное в такой ситуации – не лишаться разума, так учил еще Платон.

Беседу вела Н.И. Кузнецова
26.02.2026

Редакция выражает искреннюю благодарность Д.Е. Лаврищеву за помощь при подготовке данной публикации.